

Отрицательное отношеніе къ реформамъ Никона въ средѣ православныхъ.

Протестъ противъ церковно-реформаторской дѣятельности Никона въ средѣ русскихъ іерарховъ. Непризнаніе новоисправленныхъ Никономъ книгъ большинствомъ бѣлаго и червгаго духовенства. Признаніе Никона бывшими въ Москвѣ учеными греками церковнымъ новаторомъ и разорителемъ древнихъ церковныхъ обычаевъ. Общее печальное состояніе тогдашней церковно-богослужебной практики, какъ слѣдствіе церковной реформы Никона.

Запутанное положеніе церковныхъ дѣлъ послѣ оставленія Никономъ патриаршей каведры еще болѣе осложнилось тѣмъ обстоятельствомъ, что противъ церковной реформы Никона возстали не одни только члены бывшаго кружка ревнителей благочестія, но и многіе изъ приверженцевъ церкви, вовсе не думавшіе о какомъ либо отдѣленіи отъ нея, принадлежавшіе къ ея клиру и даже къ высшей церковной іерархіи. Если бы протестъ противъ реформаторской дѣятельности Никона исходилъ только отъ членовъ бывшаго кружка ревнителей благочестія и ихъ сторонниковъ, то въ этомъ протестѣ можно было бы видѣть одни личные счеты такихъ людей, которые ранѣе были очень близки къ Никону, возлагали на него, какъ патриарха, свои честолюбивые и эгоистичные расчеты, но которые рѣшительно обманулись въ немъ и потому возненавидѣли его. Въ виду этого, протестамъ противъ никоновской реформы со стороны Неронова, Аввакума, Лазаря и другихъ подобныхъ лицъ, можно было бы, пожалуй, и не придавать особенно важнаго значенія, какъ протесту тенденціозному, подсказанному только лич-

ными сторонними самому дѣлу мотивами. Но совсѣмъ другое впечатлѣніе получалось, когда противъ реформы Никона стали высказываться уже не Нероновъ, Аввакумъ и подобные имъ, но сами русскіе архіереи, когда къ новоисправленнымъ книгамъ отрицательно отнеслось большинство бѣлаго и чернаго духовенства, когда даже сами ученые греки, бывшіе тогда въ Москвѣ, признали Никона церковнымъ новаторомъ, разорителемъ старыхъ священныхъ церковныхъ обычаевъ.

Извѣстный старообрядческій дѣятель и писатель Денисовъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Виноградъ Россійскій“, заявляетъ, что подъ соборнымъ опредѣленіемъ о книжныхъ исправленіяхъ нѣкоторые архіереи подписались только изъ страха и послѣ раскаялись въ этомъ. „Макарій митрополитъ новгородскій, говоритъ Денисовъ, тако скорбяше, тако сѣтоваше о оныхъ новинахъ, яко и рукополагающихся священники укрѣпляше, еже новинъ не пріимати: аще азъ и подписахся, рече, трепетомъ мученій объятій, но вы крѣпко держитесь древлецерковнаго благочестія. И не инако самъ служаше и благословляше, но яко исперва пріять, яко отъ млада научися. Сиче и во всемъ градѣ, при онаго бытности, не бѣ гоненія, ниже нужды, но вси по первому обычаю совершаша службы. Аще отъ Никона многожды оный архіерей зазираемъ и досаждаемъ бѣ, нѣкогда же и во узахъ терпяше, обаче аще и не явно за страхъ, но въ тай дреннее похваляше благочестіе. Тако и Маркель архіепископъ вологодскій подписался на соборѣ ономъ страха ради Никонова, но послѣжде раскаявся, вельми тужаше и зѣло печаловася о семъ, и въ своемъ градѣ никаковыя нужды, ниже гоненія, ни насилія никакова о древлецерковномъ благочестіи людемъ содѣла. Тако и Александръ епископъ вятскій, аще на соборѣ страхомъ преклоненъ, подписался, но послѣди и плакаше и рыдаше о семъ, новинъ весьма ненавидаше. Свидѣтельствуеть о семъ яственно того посланіе жалобное ко государю царю, поданное на Никоно во 171 годѣ, въ немъ же Никонovy прегорчайшія плоды, огорчившія русскую землю, изрядно объявляетъ“¹⁾.

Это заявленіе Денисова, что нѣкоторые архіереи не сочув-

¹⁾ По рукописи нашей (Московской духовной) Академія, л. 48—49.

ствовали церковной реформаторской дѣятельности Никона,— подтверждается прямыми современными свидѣтельствами. Уже по вопросу о поклонахъ противъ Никона открыто выступилъ коломенскій епископъ Павелъ. Суровая расправа Никона съ Павломъ подавила на время оппозицію Никону среди архіереевъ, но не уничтожила ее окончательно и пострадавшаго отъ Никона своего собрата—Павла архіереи называютъ потомъ „божественнымъ страдальцемъ“¹⁾. Нѣкоторые изъ іерарховъ, присутствовавшихъ на соборѣ 1655 года, хотя и неоткрыто, однако говорили, по свидѣтельству Павла Алепскаго, по поводу заявленія Никона о необходимости согласовать русскія церковныя книги, чины и обряды съ тогдашними греческими: „мы не перемѣнимъ своихъ книгъ и обрядовъ, кои мы приняли издревле. Однако, замѣчаетъ Алепскій, они не смѣютъ говорить открыто, ибо гнѣвъ патріарха неукротимъ“. Когда потомъ Никонъ въ Успенскомъ соборѣ на виду у всѣхъ перемѣнилъ русскій клубокъ на греческій, то, по свидѣтельству того же Павла Алепскаго, присутствовавшіе при этомъ въ соборѣ епископы, игумены, священники и народъ подняли ропотъ и говорили: „смотрите, какъ онъ перемѣняетъ одѣяніе архіереевъ, которое они приняты по внушенію Святаго Духа съ того времени, какъ мы сдѣлались христіанами чрезъ святаго Петра. Какъ земля не поколеблется подъ нимъ! ибо, одѣваясь доселѣ по московски, онъ сдѣлался грекомъ“²⁾.

Оставленіе Никономъ патріаршей кафедры развязало руки недовольнымъ іерархамъ и они теперь открыто выступили и лично противъ Никона и противъ его церковной реформы. Изъ нихъ своимъ открытымъ протестомъ особенно выдается вятскій епископъ Александръ. Правда Александръ присутствовалъ на соборахъ 1656 года, бывшихъ въ апрѣлѣ, маѣ и октябрѣ, и подписался подъ опредѣленіями этихъ соборовъ, одобрившихъ Скрижаль, новоисправленный требникъ, наложившихъ проклятіе на двоеперстниковъ, на Неронова и его единомышленниковъ. Но это обстоятельство не помѣшало потомъ Александру открыто выступить противъ того самаго

¹⁾ Такъ называетъ Павла Коломенскаго самъ мѣстоблюститель патріаршаго престола митрополитъ Питиримъ. Гиб. II, 606.

²⁾ Мурк., выш III, 171, IV, 109.

новоисправленнаго требника, который онъ самъ одобрилъ къ печатанію на соборѣ 1656 года, одобрилъ, очевидно, только изъ страха предъ грознымъ Никономъ, изъ боязни испытать за несогласіе съ патриархомъ участь епископа Павла коломенскаго.

Епископъ Александръ написалъ направленное противъ Никоновскихъ книжныхъ исправленій особое изслѣдованіе, которое онъ потомъ намѣренъ былъ представить на разсмотрѣніе и рѣшеніе отцовъ собора 1666 года ¹⁾. Въ предисловіи къ своему изысканію епископъ Александръ обращается къ отцамъ собора съ слѣдующею рѣчью: „Величьи отцы и братія, преосвященніи митрополити, архіепископи и епископи! Меньшіи братъ вашъ, смиренный Александръ епископъ вятскій, молю святительство ваше и всего священнаго собора архимандритовъ и игуменовъ, священниковъ и иноковъ, протопоповъ, іереовъ и дьяконовъ, разрѣшите, молю боголюбіе ваше, въ сомнительныхъ о книгѣ потребникѣ новомъ моя вопрошенія, и дадите на писанныя моя вопросы, яко пастыріе Христова стада, писанныя отвѣты отъ дарованныя вамъ благодати, не скрывающе ничтоже, но многотрудне о мирѣ святыхъ, соборныхъ и апостолесскія церкви полезное имуще и не смиреніе мое точію, но и весь православный россійскій народъ пользующе. Много бо она книга въ рѣчахъ перебита, и чины и написанія несходны, и умъ имущимъ, пачеже простѣйшимъ, смущенію виновна: съ прежними бо нашими книгами въ царствующемъ градѣ Москвѣ тисненіемъ печатнымъ изданными, отнюдь не согласна и превратовъ исполнена, кіево же печерскаго потребника чинми мало сходна, и съ тѣми въ рѣчахъ перебита и согласія мало имать. И сихъ ради мнози правовѣрніи, пачеже и христіюлюбивіи, смущающесе зазирають намъ — архіереомъ, якоже не бегущимъ Христова стада. Пачеже во страхъ приведе мя вселеннѣи проповѣдникъ Іоаннъ, ясно зовый, глаголя: возлюбленнѣи, да не презираемъ соблазняющихся, да не пресѣченіе сотворимъ благовѣстію Христову и погубимъ спасеніе наше.... Сихъ ради вонмите, молю, не свойі бо разумъ составить нищу, но полезное церкви и вѣрнымъ людемъ, смотря въ сомни-

¹⁾ Дѣйствительно, на соборѣ 1666 г. было цѣлое особое засѣданіе по дѣлу вятскаго епископа Александра. Мат. для ист. раск. т. II, стр. 79.

тельныхъ, разрѣшенія прошу въ Божию вонистину славу, и вамъ самѣмъ на вѣчную похвалу: тщася многотрудне възскати полезное церкви и вѣрныхъ Христовыхъ людей отъ соблазна премѣняюще и во едино мудрованіе совокупляюще, не нужею, но волею и по Бозѣ; многими бо времяны утверженныя обычаи небезбѣдно поколебати первое убо блаженное опорочити и потомъ благимъ совѣтомъ соборнѣ исправити; дерзостію бо творимое нетвердо, но блаженно вонистину и смущенію виновно, совѣтомъ же исправленное—пользуется, и вѣрно трудившія похвалу пріобрѣтаютъ въ родѣ и родѣ и милости Бога сподобляются, аминь“. Послѣ этой вступительной рѣчи епископомъ Александромъ предлагается на рѣшеніе собора сначала 26 вопросовъ, а потомъ еще 22.

Въ первыхъ 26 вопросахъ исправленный при Никонѣ требникъ сличается съ кievскимъ требникомъ Петра Могилы, рѣже съ прежними московскими печатными изданіями и еще рѣже съ рукописями. При этомъ сличеніи указываются разности и несогласія никоновскаго требника съ требникомъ Могилы, при чемъ замѣчается обыкновенно, что въ новомъ требникѣ, сравнительно съ кievскимъ, „въ рѣчахъ перебито и превраты исполнена“, при чемъ епископъ спрашиваетъ: „возвѣсти ми, молю, который въ нихъ премудрѣ Петръ ли Могила, или Никонъ?“ Или, напримѣръ, Александръ замѣчаетъ: „а иныхъ рѣчей (въ новоисправленномъ требникѣ) противъ прежнихъ нашихъ нѣтъ, а иныя писаны странно“. Встрѣчаются и такія замѣчанія по поводу положенныхъ въ новоисправленномъ требникѣ новыхъ монашескихъ именъ, не употреблявшихся доселѣ у насъ и у грековъ, говорится: „възскати лѣпо, и еще они (имена) не обрѣтаются въ греческихъ и въ кievскомъ потребникѣ, и у насъ въ великой Россіи, то гдѣ обрѣсти возможно: явѣ въ римскомъ костелѣ у латинника папы, и у жидовъ. а иные у еллинъ; но сихъ подражати намъ вѣрнымъ не буди, да не радость тѣмъ будетъ, вѣрнымъ же плачь. Но и у жидовъ дерзость таковая не бывала, еже звати чловѣки Херувимъ и Серафимъ, кто бо сицевая отъ вѣрныхъ слышавъ, паче же видѣвъ, не соблазнится и окаянна дерзости исполненнаго нарицати не будетъ“. Или, напримѣръ, у него встрѣчается такое замѣчаніе: въ чинѣ погребенія говорится, что іерей „наливаетъ верху

мощей елей отъ кандилы, или сыплють пещель отъ кандилницы и тако покрываютъ гробъ,—и посему ихъ мудрованію ушто едину силу имуть елей отъ кандилы и пещель отъ кандилницы? И мнози облазвившеся въ правду, умъ иступившихъ нарицають сице мудрствующихъ и глаголющихъ быти мудри объюродѣвшихъ, и сице облазвившихся презрѣти-ли подобаетъ?“ Или, напримѣръ, сличая чинъ погребенія священниковъ въ новомъ требникѣ съ кievскимъ, замѣчаетъ: „прочія же 12 икосовъ смѣха и мятежа полны и невѣдомо откуда взяты, и св. апостоль и св. отецъ разуму и мудрованію отнюдь противны, и мню, яко врагъ церкви нѣкто сія расположивый, строя пагубу душамъ Христова стада,—кто бо отъ богословцевъ таковая мудрствова когда?“

Во второй серіи вопросовъ епископъ Александръ указываетъ на неисправности и погрѣшности и въ прежнихъ печатныхъ московскихъ требникахъ 7131, 139 и 159 годовъ, находитъ въ называемой Кирилловой книгѣ разныя погрѣшности и даже „оригеновой ереси „мудрованіе“, и наконецъ одинаково осуждаетъ потребники и Никона и Петра Могилы. Онъ говоритъ: „Петра Могилы мудрованіе“ въ потребникѣ его напечатано имя Господа нашего Ісуса Христа—Ісусъ, такожде и въ московскомъ Никоновѣ потребникѣ,—Петръ Могила и Никонъ оба въ семь поблудиша, и не въ семь точію, но апостольскіе и евангельскіе рѣчи перебили, единъ другаго злѣйши, такожде въ молитвахъ и въ ектеньяхъ отнюдь согласія нѣсть, ни съ прежними московскими печатными потребники, ни Петра Могилы съ Никоновымъ“. Или, напримѣръ, такое замѣчаніе: „како самыя Спасовы слова, и апостольскія и отеческія, Петръ Могила и Никонъ смѣють превращати?“ Онъ прямо и рѣшительно защищаетъ старообрядческія мнѣнія: зачѣмъ, напримѣръ, напечатано „несотворенна“, вмѣсто прежняго: „а несотворенна“; и въ Духа святаго Господа животворящаго, съ пропускомъ „истиннаго“, вмѣсто: „нѣсть конца“, напечатано: „не будетъ конца“.

Итакъ вятскій епископъ Александръ находитъ неисправными не только никоновскія новонаправленныя книги, но и южно-русскія—Петра Могилы, и даже нѣкоторыя московскія, напечатанныя до Никона. Откуда же, по его мнѣнію, произошли погрѣшности и превраты въ никоновскія новонаправ-

ленные книги, и какъ же бы слѣдовало и съ какихъ именно книгъ исправлять погрѣшности въ печатныхъ московскихъ книгахъ? Отвѣтъ на это епископъ Александръ даетъ въ 20 вопросѣ первой серіи, гдѣ онъ сличаетъ чинъ погребенія священника никоновскаго потребника съ кievскимъ. Здѣсь онъ говоритъ: „что много глаголати: во всякомъ стихѣ несогласія и превраты, у многихъ стиховъ концовъ нѣтъ, а во нѣхъ въ срединѣ многихъ рѣчей пѣтъ, весь чинъ превратовъ исполненъ и съ кievскимъ несогласенъ. Много паче препаматовати лѣпо блаженныя памяти святѣйшаго Юсафа патріарха московскаго и всея Росіи, онъ убо сіе священническое погребеніе отложилъ, и недѣйствительно показалъ, Еремы болгарскаго попа еретика мудрованіе сіе нарекъ. И въ лѣпоту и намъ не преходити предѣлъ и своя комуждо не мудрствовати, но исправляти право истины. Правое убо ни откуду показатися имать, аще со древними согласно не будетъ,—новый же сей потребникъ ни съ кievскимъ, ни съ прежними нашими московскими согласія не имать. Откуда убо явится истинна? Зане мы въ Венецыи печатанныхъ книгъ греческихъ огребатися должны есмы, и въ неволи живущимъ грекомъ у латинниковъ и у еллиновъ, обычаевъ и чиновъ пріимати нѣсмы должны, но просвѣтившаго насъ святымъ крещеніемъ равноапостольнаго, благовѣрнаго великаго князя Владиміра, нареченнаго во святомъ крещеніи Василія, благія нравы подражати, и при немъ и по немъ церковнымъ учителемъ, и преподобнымъ и богоноснымъ отцемъ, въ знаменіяхъ и чудесѣхъ просіявшихъ въ великой Росіи, послѣдовати, и благія ихъ нравы и чисти и равноангельское житіе подражати, тако же и чины и преданія ихъ должны есмы хранити, яко отъ самого Бога свидѣтельствованыя. Древнія же греческія книги, ихже пріять благовѣрная княгиня Ольга, нареченная во святомъ крещеніи Елена, баба Владимірова, отъ Фотія патріарха цареградскаго, такоже и Владиміръ, ихъ же пріять отъ цареградскаго патріарха и отъ корсуньскаго епископа, пріемлемъ. Много паче послѣдуемъ словенскому учителю блаженному Константину философу, нареченному во мнишескомъ чину Кирилломъ, и брату его Меѳодію, епископу моравскому, и приведенныя тѣми великими и святыми отцы святыя книги отъ греческаго языка на словенскій, лобызаемъ и на нихъ утвердимся,

непоколебимое убо тѣ намъ святыхъ книги утверждєніе, ихже крѣпко възскати должни есмы, такожде и святое евангеліе, вверженное во огнь и не сторгѣвшее вначалѣ просвѣщенія Росіи, възскати лѣпо и тѣмъ святыхъ книгамъ послѣдовати, а не въ Венеціи печатаннымъ отъ еретикѣ. Откуда убо мнящимся премудрымъ ослѣпленіе таково? Явѣ, яко отъ небреженія спасенія своего, отъ растлѣннаго житія: вси бо мнящіяся столпи настоящаго сего времени другъ со другомъ въ чинѣхъ церковныхъ согласія не имуть, у каждаго бо ихъ свое мудрованіе, отнюдь смиренномудрія чужее, вся бо каждо гонимъ тщеславію виновное, и яко да вѣка сего покоя и славы и чести не отпадемъ, Христово же стадо небрежемъ и о спасеніи тѣхъ не промышляемъ, зане смущающихся тѣхъ о несогласіи церковномъ духомъ кротости исправити не тщимся, но въ своихъ обычаехъ утверждаемъ, ратующе Христово стадо, древнія же церковныя чины отмѣтающе и новой необычно начинающе, вредимъ ихъ же лѣпо пользоваться“.

Такимъ образомъ по мнѣнію вятскаго епископа Александра русскія церковныя книги никакъ не слѣдуетъ исправлять по еретическимъ венеціанскимъ изданіямъ, какъ это дѣлалъ Никонъ, не слѣдуетъ и русскіе церковныя чины и обряды исправлять по современнымъ греческимъ, какъ этъ опять дѣлалъ Никонъ и его продолжатели. Для русскіихъ руководствомъ въ ихъ религіозной жизни должна служить, по мнѣнію епископа Александра, исключительно своя родная, святая старина: можно вѣрить и греческимъ книгамъ, но только тѣмъ, которыя были привезены на Русь еще святыми Ольгою и Владиміромъ, а лучше исключительно утвердиться на книгахъ, которыя переведены на славянскій языкъ святыми братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ. Въ жизни и нравахъ слѣдуетъ подражать святымъ угодникамъ „въ знаменіяхъ и чудесѣхъ просіявшимъ въ великой Росіи“; слѣдуетъ „и чины и преданія ихъ хранить, яко отъ самага Бога свидѣтельствованныя“, а не мѣнять ихъ на сомнительныя современныя греческія. Тѣмъ болѣе необходимо поступать такъ, что измѣняющіе теперь русскую церковную старину, чины и обряды, эти „мнящіяся столпи настоящаго сего времени“, сами „другъ со другомъ въ чинѣхъ церковныхъ согласія не имуть“, нбо отвергнувъ родную святую

старину, которой бы имъ слѣдовало твердо держаться, они потеряли подъ собою твердую надежную почву, благодаря чему у каждаго изъ нихъ явилось „свое мудрованіе, совершенно чуждое смиренномудрїа“, они, побуждаемые тщеславіемъ, заботятся по преимуществу о томъ, „яко да вѣка сего покоя и славы и чести не отпадемъ“. Многіе „отъ вѣрныхъ“ соблазняются „вправду“ новоисправленными книгами и сильно смущаются возникшими церковными несогласїями, такъ какъ новоисправленныя книги дѣйствительно заключаютъ въ себѣ много поводовъ къ соблазну, а между тѣмъ пастыри церкви вовсе не заботятся исправлять такихъ смущающихся „духомъ кротости“, а только „ратуютъ Христово стадо“, вредятъ тѣмъ, „нихъ же лѣпо пользовати“. Въ виду этого епископъ Александръ желаетъ, чтобы соборъ уничтожилъ въ новоисправленныхъ книгахъ все превратное и соблазнительное, и чтобы это новое исправленіе книгъ совершилось „благимъ совѣтомъ соборнѣ“, такъ какъ „дерзостію творимое не твердо, но блазнено воистину и смущенію виновно, совѣтомъ же исправленное—пользуетъ“. Очевидно, что этими своими заявленїями о недостаткахъ церковной реформы Никона епископъ Александръ какъ нельзя болѣе сблизился съ воззрѣнїями и заявленїями принципиальныхъ противниковъ церковной реформы Никона, которые поэтому оказывали ему свое особое расположеніе, охотно списывали его вопросы и, съ своей стороны, пользовались его расположенїемъ ¹⁾. Но въ то же время, между ними и Александръ

¹⁾ Нероновъ въ своей челобитной государю заявляетъ: „ревнитель же воистину закона, блаженный Александръ епископъ вятскїй, во всѣхъ писанїяхъ къ тебѣ, великому государю, явѣ блудню Никонову покаа... и въ тисненїи печатномъ книги ево, Никонова мудрованїа, ересей полны показа и блуженїа, рекше, превратовъ“. (Митр. 1, 187). Игуменъ Теокистъ, нѣкоторое время проживавшїй въ Вяткѣ у Александра, пишетъ къ извѣстной боярынь Морозовой, чтобы она сама и чрезъ своихъ знакомыхъ всячески похлопотала о дѣлахъ епископа Александра. Между арестованными у игумена Теокиста бумагами значатся и вопросы Александра къ собору. (Ibid. стр. 230, 308—315). Дьяконъ Федоръ пишетъ: „святитель Александръ вятскїй епископъ, иже прежде коломенскїй бывъ, по Павлѣ исповѣдникѣ, разумѣвъ все коварство и неправду сборища ихъ погибельнаго, прїѣхавъ въ свою область, не служаше по новымъ книгамъ, и сельскимъ попомъ всѣмъ запрещаше. И нѣцыи попове, бояще страха царева, извѣщаша нѣцыи царю о томъ нанъ, и истязанїе бысть

ромъ было и существенное различіе, именно: хотя Александръ и признавалъ серьезныя недостатки въ книжныхъ исправленіяхъ Никона, однако не находилъ эти недостатки на столько важными, чтобы ради ихъ погубило православіе на Руси, чтобы изъ-за нихъ слѣдовало отдѣляться отъ церкви, или, чтобы ради ихъ признать Никона и его послѣдователей еретиками, съ которыми не слѣдуетъ сообщаться. Кромѣ того Александръ находилъ неисправными не только книги напечатанныя при Никонѣ, но и книги напечатанныя при его предшественникахъ, почему и желалъ, чтобы всѣ наши книги вновь были исправлены, но обязательно на соборѣ, общимъ совѣтомъ, а не единолично. Само собою понятно, что возраженія епископа Александра противъ новоисправленныхъ книгъ, хотя относительно и сдержанныя, должны были однако производить и на православныхъ, т. е. уже принявшихъ новоисправленные книги, очень сильное впечатлѣніе, такъ какъ нападеніе на никоновскія книги исходило отъ православнаго епископа, который не только находился въ полномъ общеніи съ церковію, управлялъ самостоятельно цѣлою епархією, но и былъ однимъ изъ выдающихся іерарховъ, отличавшійся, какъ видно, недюженымъ умомъ, начитанностію, горячею ревностію о благочестіи и высокимъ, сравнительно, пониманіемъ своихъ архипастырскихъ обязанностей.

Кромѣ вопросовъ вятскаго епископа Александра до насъ дошло еще „Обличеніе на Никона патріарха“, написанное послѣ его удаленія съ кафедръ однимъ изъ русскихъ архіереевъ. Обличеніе состоитъ изъ тридцати статей и подано было государю въ видѣ челобитной отъ лица русскихъ архіереевъ. Въ четвертой статьѣ обличенія говорится: „отне- леже бо онъ, Никонъ, начатъ вводити смущенія догматы, не имамы чисты молитвы къ Богу“. Въ двадцать первой статьѣ говорится: „кого бы отъ архіерей и святыхъ отецъ единомудрствующихъ имѣя съ собою Никонъ? Ей, никого“. Въ статьѣ двадцать пятой: „благочестивый царю! Онъ, Ни-

ему. Онъ же страха Божія паче убояся и непослушаша лукаваго собора ихъ, и отречея новозаковія ихъ, и остави епископію, отъиде въ монастырь свой на Вычегду, и каися до смерти о прежнемъ своемъ поплановеніи, за еже сообщися съ нимъ“ (Матер. VI, 256).

конъ суемудренный, смысли, учимъ воистину древнимъ челоукоубійцею діаволомъ, и съ нимъ совѣтуя всегда, рѣяхъ, ко отчаянію привести тщася и всѣхъ погубити хотя“. Но особенно для насъ важна и интересна послѣдняя—тридцатая обличительная статья. „Пишетъ Никонъ, о благочестивый царю, заявляетъ обличеніе, что оныхъ трехъ иноковъ проклялъ, будто они наругаются исповѣданію православныя вѣры, присланнаго ему отъ святѣйшаго Паисея, цареградскаго патріарха; и во святѣй-де литургіи въ божественныхъ таинствахъ недовѣруютъ и недружбы чинятъ противъ того, что онъ исправилъ думою и благословеніемъ святѣйшихъ вселенскихъ патріархъ, а во благи де своей никогда же хотѣлъ ни прибавить, ни убавить отъ церкви, опрочѣ правилъ св. апостоль и св. отецъ; еже есть: Кормчую книгу въ тисненіи печатномъ перебилъ и со старыми писанными книгами отнюдь несходны устроилъ; единъ выходъ былъ, а самый несогласный: и съ которыя будто и печатаны, и съ тою несходны. Также и прочія книги, при патріаршествѣ его тисненіемъ печатнымъ изданныя, мятежа и смущенія исполнены, и 6-бо выходовъ служебниковъ мудрованія его сами въ себѣ согласія не имуть. Но и скрижалъ духовная сама въ себѣ несогласна, существа перебиты, а толкованіемъ съ нашими древними печатными служебниками во многомъ несходно. Да аще онъ, Никонъ, отъ цареградскаго патріарха Паисея вѣрѣ научился и исправити потщася: царствующаго града Москвы благочестивіи и христіюлюбивіи цари и великіе князи, и князи и боляра, и преже его бывшіе 5 патріарховъ, и преосвященныя митрополиты, и архіепископы и епископы, священноархимандриты и игумены, протопопы, іереи и діаконъ, и святыхъ великихъ обителей и прочихъ монастырей мнихи, пачеже и старцы, и христіюлюбивый російскій народъ,—ушто до него, Никона, неправо вѣровали и безкровную жертву Господеви всегда приносили туне? Оле дерзости и безстыдія! Ненасытився, убивая вѣрныхъ душъ, глаголетъ, яко исправляя и не хотящихъ послѣдовать его прелестному мудрованію, проклиняетъ. Не ново убо начинающе святіи они старцы, но древнее святыхъ отецъ предаііе утвержающе, вѣрныхъ души отъ смущенія соблюдати тщасеся. Глаголай же, яко не хотѣлъ прибавить, ни убавить, опрочѣ правилъ святыхъ апостоль и святыхъ вселен-

скихъ соборовъ, приказывалъ: какъ ни есть, только не по старому. О книгахъ убо, благочестивый царю, что извѣщаль преосвященный Панаіа (т. е. Лигаридъ) тебѣ, благочестивый царю, которыя отъ многихъ странъ собраны, заперты безпожиточно,—пишетъ Никонъ, что въ ево дальнія монастыри отвезены,—не въ царствующемъ градѣ Москвѣ. Почто, христілюбивый царю, попусти сице,—не реку человѣку, но звѣрю, и ни малаго добра смыслившу святѣй церкви и державѣ царствія твоего?“¹⁾

Вотъ что заявляли русскіе архіереи царю Алексѣю Михайловичу по поводу церковной реформы Никона, какъ они представляли это дѣло себѣ и старались въ челобитной разъяснить царю, какъ ему слѣдуетъ смотрѣть на церковно-реформаторскую дѣятельность Никона; она, по ихъ мнѣнію, во всѣхъ отношеніяхъ есть дѣятельность преступная, какъ наносящая непоправимый вредъ русской правотѣ вѣрѣ и русскому истинному благочестію, и потому заслуживаетъ не признанія и одобренія, а полного отрицанія и осужденія со стороны всѣхъ истинно вѣрующихъ и благочестивыхъ людей. Между указанными воззрѣніями русскихъ іерарховъ на церковныя исправленія Никона и воззрѣніями тогдашнихъ принципиальныхъ защитниковъ русской церковной старины, трудно найти какое либо различіе: русскіе іерархи—челобитчики и защитники старины слились въ этомъ отношеніи въ нѣчто однородное и неразличимое по своему существу. Справедливость однако требуетъ сказать, что приведенная нами челобитная русскихъ архіереевъ государю, въ которой они рѣшительно осуждаютъ всѣ Никоновскія церковныя исправленія, какъ несостоятельныя и очень вредныя для церкви, были написаны архіереемъ — заклятымъ врагомъ Никона—тѣмъ же вятскимъ епископомъ Александромъ, которымъ были написаны и приведенные нами выше вопросы, направленные противъ книжныхъ исправленій Никона и предназначенные Александромъ для прочтенія на соборѣ 1666 года. Правда Александръ говоритъ въ челобитной отъ имени всѣхъ архіереевъ, но несомнѣнно, что тогда были

1) Рукописный сборникъ Москов. синод. бібліотеки, № 294. Лѣтопись рус. лит. и древя.—Тихошравава, т. V, и Матер. для ист. раск. т. VII, стр. 148 и слѣд.

архіереи, которые никакъ не могли согласиться съ воззрѣніями Александра на реформы Никона, такъ какъ они были горячими и убѣжденными поклонниками всѣхъ никоновскихъ церковныхъ исправленій. Такими сторонниками и защитниками реформъ Никона были тогда, намъ извѣстные, крутицкій митрополитъ Павелъ, рязанскій архіепископъ Иларіонъ и, конечно, другіе. Но, съ другой стороны несомнѣнно и то, что епископъ Александръ былъ не одинъ, что между тогдашними архіереями и у него были сторонники, которые, покрайней мѣрѣ въ первое время послѣ оставленія Никономъ патріаршей кафедры, отрицательно относились не только лично къ Никону, но вмѣстѣ и къ его реформѣ. Поэтому Александръ и могъ въ своей челобитной государю говорить, если не отъ лица всѣхъ, то отъ лица извѣстной группы тогдашнихъ архіереевъ.

Такимъ образомъ, нѣкоторые русскіе архіереи, по крайней мѣрѣ вначалѣ, относились отрицательно къ грекофильской реформаторской дѣятельности Никона, и это свое отношеніе къ реформѣ, которое они по страху скрывали во время патріаршества Никона, послѣ оставленія имъ кафедры, уже открыто, въ лицѣ вятскаго епископа Александра выражали публично и даже въ особой челобитной государю.

Отрицательное отношеніе къ новопечатнымъ Никоновскимъ книгамъ въ приходскомъ духовенствѣ и въ монастыряхъ сначала было почти всеобщимъ, хотя только у нѣкоторыхъ, и даже очень немногихъ лицъ, оно проявлялось сознательно, какъ сопротивленіе предполагаемому еретичеству, внесенному будто бы Никономъ въ новоисправленныя книги. У большинства же, какъ бѣлаго приходскаго духовенства, такъ и чернаго монастырскаго, новоисправленныя никоновскія книги встрѣтили или открытое, или молчаливое--пассивное непризнаніе по мотивамъ чисто практическимъ, не имѣющимъ прямого отношенія къ правовѣрью или неправовѣрью. Дѣло въ томъ, что тогдашнее бѣлое и черное духовенство, особенно духовенство сельское и рядовое монастырское, было въ своемъ большинствѣ малограмотно, оно съ трудомъ и съ значительными усилиями пріучалось кое-какъ брести по привычнымъ книгамъ, исправлять по нимъ церковныя службы, и всегда готово было сильно споткнуться и даже совсѣмъ остановиться, если привычную книгу замѣ-

нить другой, отличной отъ старой. И отъ такихъ-то малограмотныхъ лицъ вдругъ потребовали, чтобы они отправляли всѣ церковныя службы по новымъ книгамъ, къ которымъ они, въ виду своей малограмотности и привычки къ разъ усвоенному, не знали какъ и пристать. Имъ теперь приходилось переучиваться, отвыкать отъ затверженнаго ранѣе и твердить новое. Дьяконъ Ѳеодоръ, какъ очевидецъ, рассказываетъ, что когда по рекомендаціи Павла митрополита Крутицкаго, ставили въ архіереи на Вологду игумена Свирскаго монастыря Симона, то онъ, при чтеніи символа, неожиданно прочелъ по старому: „рожденна, а несотворенна“. Тогда, повѣствуетъ Ѳеодоръ, „нехотѣ его царь поставити во архіепископы; озрѣлся, стоя, на Павла митрополита онаго, и съ яростію пыхнулъ, рекъ: ты мнѣ хвалилъ его; не хочу его азъ! И поиде съ мѣста своего. Павелъ же льстецъ припаде къ нему и рече ему съ клятвою: никакъ, государь, вѣсть въ немъ того, но промолвился. И повелѣша Симону паки символъ глаголати. Онъ же справилъ рѣчь ту по новому реченію. Царь же возвратися на мѣсто, и поставиша его во архіепископы“ ¹⁾. Если уже кандидатъ въ архіепископы, значитъ человѣкъ, по тогдашнему времени, болѣе образованный, при своемъ ставленіи, не смотря конечно на тщательную предварительную подготовку, всетаки въ чтеніи символа сначала сбился на привычное старое, то чего же можно было требовать отъ лицъ малограмотныхъ, какими въ то время были почти всѣ сельскіе священно и церковнослужители и рядовое монастырское монашество. Для многихъ изъ нихъ читать и служить по новоисправленнымъ книгамъ было просто не по силамъ, они не умѣли, да и не могли перейти на новое, а потому по необходимости крѣпко держались за старое. Въ соборномъ приговорѣ соловецкихъ иноковъ, въ іюнь 1658 года, говорится: „во обители, по предавію чудотворцевъ, преподобнаго Зосимы и митрополита Филиппа, какъ былъ игуменомъ въ Соловецкомъ монастырѣ, и какъ прежніе игумены изстари служили, повыкли и мы божеественныя литургіи служить по старымъ служебникамъ, по которымъ мы и сперва учились и привыкли. А нынѣ и по тѣмъ служебникамъ мы, старые священники, очередей сво-

¹⁾ Матер. VI. 229—230.

ихъ недѣльныхъ держати не сможемъ, а по новымъ служебникамъ для своей старости учитца не сможемъ же, да и некогда,—которое и учено было и того мало видимъ. А которые мы священники и діаконъ маломочны и грамотѣ не навъчны и къ ученію косны, по которымъ служебникамъ старымъ многія лѣта училися, а служили съ великою нуждею и Бога славили, а по новымъ книгамъ служебникамъ, что прислалъ изъ Колмогоръ старецъ Іосифъ, намъ—чернцомъ коснымъ и неперемчивымъ—сколько ниучиться, а не навъкнуть, лутче будетъ съ братьею въ монастырскихъ трудахъ быти“¹⁾. Бывшій строитель Лысковскаго Покровскаго монастыря Аврамій на соборѣ 1666 года заявлялъ, что доселѣ онъ служилъ по старымъ служебникамъ“, а не служилъ по новоисправнымъ служебникамъ для того, что обыкъ по старымъ служебникамъ служить, а символъ вѣры по се время говорилъ по прежнему“, но впредь обѣщается служить по новоисправленнымъ книгамъ²⁾.

Въ то время какъ значительная часть малограмотнаго—„коснаго и неперемчиваго“ духовенства рѣшительно заявляла, что ему „сколько ни учиться, а не навъкнуть“ отправлять службы по новоисправленнымъ книгамъ, въ это время всѣми уважаемая и авторитетныя лица, извѣстныя самому царю и имъ чтимыя, открыто и рѣшительно стали увѣрять и всюду проповѣдывать, что новыя книги Никономъ не исправлены, а только испорчены, что въ нихъ внесены разныя ереси, что въ интересахъ сохраненія православія на Руси, въ интересахъ своего личнаго спасенія, каждому нужно крѣпко держаться именно старыхъ книгъ, старыхъ обрядовъ и чиновъ, что нужно обязательно отвергнуть все новое, введенное Никономъ, какъ еретическое измышленіе,—словомъ они учили, что перемѣнять въ старомъ ничего не нужно, никакъ не слѣдуетъ и учиться новому, какъ гибельному для правой вѣры и истиннаго благочестія. Этотъ призывъ—крѣпко держаться стараго и отвергать все новое, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ настроенности малограмотнаго духовенства, рѣшалъ жгучій и жизненный для него вопросъ въ самомъ желательномъ и благопріятномъ для него

¹⁾ Матер. III, 5—6.

²⁾ Матер. I, 459.

смыслѣ, вполне оправдывалъ его въ собственныхъ его глазахъ, такъ какъ убѣждалъ его, что противленіе новому и удержаніе стараго не есть проявленіе его малограмотности и косности, а дѣло высокое, богоугодное и спасительное. Такъ подъ сопротивленіе малограмотнаго невѣжества положена была высокая идея—охраны правой вѣры и истиннаго благочестія. Теперь невѣжды подняли опущенную было голову, онѣ подвысились и, такъ сказать, облагородились въ своихъ собственныхъ глазахъ, такъ какъ иное дѣло—держаться за старое въ силу малограмотности и косности, и иное—во имя спасенія русскаго неповрежденнаго православія и истиннаго благочестія отъ гибели,—изъ малограмотныхъ невѣждъ они превращались теперь въ героевъ, призванныхъ спасти и вѣру и отечество.—Никонъ и продолжатели его дѣла, уже по своему оффиціальному положенію, должны бы были хорошо знать и понимать, съ какимъ матеріаломъ, въ лицѣ большинства тогдашняго духовенства, они имѣютъ дѣло, когда, рассылая новоисправленныя книги, они требовали, чтобы духовенство служило только по нимъ, тогда какъ всякому сколько нибудь знавшему тогдашнее наше духовенство ясно было, что въ значительномъ большинствѣ оно не станетъ служить по новымъ книгамъ единственно только потому, что по своей малограмотности оно не сѣмѣетъ отправлять по нимъ церковныхъ службъ, и потому всячески будетъ держаться за старыя привычныя для него книги.

Введеніе новоисправленныхъ книгъ въ церквахъ не могло совершиться быстро и скоро даже по матеріальнымъ, такъ сказать, причинамъ, безотносительно къ тому, желало или не желало принимать ихъ и слѣдовать имъ тогдашнее духовенство. Церквей—соборныхъ, приходскихъ, домовыхъ, монастырскихъ, а также часовень, замѣлявшихъ собою во многихъ мѣстахъ церкви, было у насъ очень много, а средства единственной тогда у насъ правительственной московской типографіи были очень ограничены; она могла, за другими работами, выпускать новоисправленныя книги только въ небольшомъ относительно количествѣ экземпляровъ, такъ что требовалось очень и очень много времени, чтобы новоисправленныхъ книгъ хватало на все тогдашнія церкви и чтобы все онѣ могли ими обзавестись. Съ другой стороны,

книги тогда были очень дороги и для бѣдныхъ церквей пріобрѣтать цѣлый кругъ новопечатныхъ церковныхъ книгъ часто было не подѣ силу, а потому по необходимости многія церкви очень долго продолжали пробавляться имѣвшимися въ нихъ прежними старыми книгами. Нижегородскаго Лысковскаго Богородичнаго монастыря черныи попъ Авраамій, на соборѣ 1666 года, „прощенія просилъ, что онъ новонаправныя печатныя книги не держалъ скудости ради“¹⁾. Естественно, что тогда не мало было и такихъ священниковъ, современниковъ Никона, которые успѣли умереть не имѣя даже случая увидать новонаправленныя книги; естественно, что очень долгое время и послѣ реформы Никона во многихъ церквахъ, особенно сельскихъ и захолустныхъ, церковныя службы продолжали совершаться по старымъ книгамъ единственно потому, что не было подѣ руками новонаправленныхъ книгъ.

Въ самой Москвѣ, даже въ Кремлѣ, т. е. на глазахъ царя и всѣхъ высшихъ церковныхъ властей, въ нѣкоторыхъ церквахъ еще продолжали употреблять старыя книги вплоть до самаго рѣшенія этого вопроса соборомъ 1666 года. Игуменья Вознесенскаго въ Кремлѣ монастыря, Маремьяна Пальчикова, въ челобитной государю 1666 года заявляла: „по твоему, великаго государя, указу и по соборному уложенію, указалъ ты, великій государь, вездѣ по монастырямъ и по прихоцкимъ церквамъ, по новому соборному уложенію, въ церквахъ по книгамъ пѣть и честь, по новому соборному уложенію, на рѣчь. И мы, нищіе царскіе твои богомольцы, по книгамъ говорили по старому, а пѣли обѣди и всякое пѣніе по новому, а книгъ, государь, твоего царскаго жалованья къ намъ новыхъ въ Вознесенскій дѣвичій монастырь въ прежніе годы не пресылавано. А въ нынѣшнемъ, государь, во 174 году, по твоему, великаго государя, указу присланы къ намъ въ монастырь книги по новому твоему, великаго государя, соборному уложенію къ священникамъ, и тѣ, государь, священницы и крылошанки по книгамъ по старымъ и по новымъ говорятъ; а заповѣди и заказу отъ тебя, великій государь, къ намъ въ дѣвичій Вознесенской монастырь объ этомъ не бывало, что по старымъ книгамъ

1) — II, 13.

не говорить“ ¹⁾. На соборѣ 1666 года чернѣйшій попъ Ѳаддей показывалъ: „года де тому съ два, или больша, былъ онъ въ нижегородскомъ уѣздѣ въ селѣ Лысковѣ въ монастыре пречистые Богородицы Казанскіе у строителя чернаго попа Аврамія въ кельѣ, и въ разговорѣ похвалялъ книги новоисправной печати, и тотъ де чернѣйшій попъ Аврамій противъ того говорилъ: и старыя книги добры, вѣдь де они свидѣтельствоваыяжъ, и на Москвѣ по новоисправнымъ книгамъ не все служатъ,—еще де не установилося, да и патріаршъ де казначей, старецъ Тихонъ, не вовсе за новоисправныя книги приниматца велить.“ Другой старецъ, Гавріилъ, показывалъ, что когда онъ уговаривалъ Аврамія держаться новоисправленныхъ книгъ, тотъ ему на это отвѣтилъ: „не единъ де я такъ служу (т. е. по старымъ книгамъ), какъ де во всѣхъ церквахъ будутъ служить (по новымъ книгамъ), тогда де и я буду“. Въ 1657 году въ Соловецкій монастырь были присланы новоисправленныя книги. Получивъ книги, монастырскія власти никому не показали ихъ, а сложили въ казенную палатку, гдѣ книги спокойно и лежали, а службы продолжали отправляться по прежнему—по старымъ книгамъ и никакая власть этому не препятствовала. Соловецкій старецъ, Герасимъ Фирсовъ, на соборѣ 1666 года показывалъ: „по новоисправленнымъ служебникамъ въ Соловецкомъ монастырѣ не служилъ для того, что великаго государя указу не было“. Бывшій соловецкій архимандритъ Варсоломей тоже на соборѣ 1666 года показывалъ: „а кресты де на просвирахъ въ Соловецкомъ монастырѣ и до нынѣ постарому, и о томъ де къ нимъ указу не бывало“. Только послѣ собора 1666 года послѣдовалъ въ Соловецкій монастырь указъ объ обязательномъ отправленіи всѣхъ церковныхъ службъ исключительно по новоисправленнымъ книгамъ, что и повело къ возмущенію соловецкихъ монаховъ ²⁾.

Если въ самой Москвѣ, послѣ удаленія Никона, съ новоисправленными книгами „еще не установилося“, почему благоразумныя московскія духовныя лица, спрашивавшимъ ихъ провинціаламъ, „не вовсе за новоисправныя книги приниматься велятъ“, если въ Москвѣ, и даже въ самомъ Кремлѣ, попрежнему безпрепятственно еще продолжали служить по

¹⁾ Православ. Обзоріе, 1885 г. т. II, стр. 66—67.

²⁾ Матер. I, 460, 463. III, 3—7, 108, 111, 117.

старымъ книгамъ и царскаго указа о замѣнѣ ихъ новыми не было; то какихъ либо особнхъ спеціальныхъ мѣръ о замѣнѣ старыхъ книгъ новыми конечно не предпринималось архіереями и въ ихъ епархіяхъ,—служили, кто какъ хотѣлъ: или по новому, или по старому, большинство, повятно, по старому. Изъ дошедшихъ до насъ архіерейскихъ грамотъ видно, что епархіальные архіереи, до собора 1666 года, вовсе не настаивали на томъ, чтобы въ ихъ епархіяхъ обязательно служили по новымъ, а не по старымъ книгамъ. Въ 1658 году вологодскій архіепископъ Маркеллъ предписываетъ наблюдать соборному протопопу, „чтобы въ церкви Божіи всякое пѣніе пѣли и говорили единогласно“, причемъ вовсе не говоритъ того, чтобы пѣніе въ церквахъ совершалось по новоисправленнымъ книгамъ, о послѣднихъ грамота совсѣмъ умалчиваетъ. Въ 1660 году въ царской грамотѣ новгородскому духовенству предписывается: „и вы бѣ—архимариты, игумены и протопопы—приходскихъ всѣхъ церквей попомъ и дьякономъ и всякихъ чиновъ людемъ приказывали съ великимъ разсмотрѣніемъ и подкрѣпленіемъ, чтобы во всѣхъ церквахъ Божіихъ божественное пѣніе было единогласно, со страхомъ Божіимъ“. Объ обязанности пѣть по новоисправленнымъ книгамъ опять не упоминается. Въ 1661 году новгородскій митрополитъ Макарій, въ грамотѣ къ архимандриту Тихвинскаго монастыря предписываетъ ему сдѣлать крѣпкій наказъ всему духовенству, „что бѣ пѣли и говорили по всѣмъ святымъ Божіимъ церквамъ единогласно, а не во многіе гласы“. О новоисправленныхъ книгахъ не упоминается. Это неупоминаніе грамотъ до 1666 года объ обязанности духовенства отправлять службы именно по новоисправленнымъ, а не по старымъ книгамъ, было не случайностію, а естественнымъ послѣдствіемъ и обнаруженіемъ общей неувѣренности принятія церковію новоисправленныхъ никоновскихъ книгъ, неувѣренности, которая прекратилась лишь со времени собора 1666 года, что сейчасъ же и отразилось въ послѣдующихъ архіерейскихъ грамотахъ. Такъ новгородскій митрополитъ Питиримъ въ 1671 году предписываетъ учинить крѣпкій наказъ попамъ и причетникамъ, чтобы они „пѣли и говорили единогласно по новоисправленнымъ книгамъ“. Тотъ же митрополитъ узнавъ, что „въ Вождской десятинѣ духовные поютъ и говорятъ не единогласно

и по книгамъ старья печати, а не по новоисправленнымъ“ предписываетъ отправлять службы единогласно по новоисправленнымъ книгамъ. Въ 1683 году устюжскій архіепіскопъ Геласій предписываетъ, чтобы въ церквахъ Божіихъ „пѣли и говорили единогласно и нарѣчно, а не мятежно, по новоисправленнымъ нарѣчнымъ книгамъ“ ¹⁾. Такимъ образомъ, какъ до собора 1666 года, когда относительно новоисправленныхъ книгъ „еще не установилось“, архіерейскія грамоты требуютъ отъ духовенства только пѣть единогласно, совсѣмъ не упоминая при этомъ о новоисправленныхъ книгахъ; такъ послѣ собора 1666 года наоборотъ: во всѣхъ подобныхъ архіерейскихъ грамотахъ всегда уже говорится, чтобы духовенство пѣло и читало въ церквахъ единогласно и обязательно по новоисправленнымъ, а не по старымъ книгамъ.

Но что особенно характерно и любопытно: колебанія и неувѣренность, царившія тогда въ русскомъ обществѣ относительно законности и доброкачественности церковной реформы Никона, поддерживали сами греки, по указаніямъ и подъ руководствомъ которыхъ, какъ мы знаемъ, Никонъ производилъ свои грекофильскія реформы. Теперь, по удаленіи Никона съ патріаршей каѳедры, нѣкоторые греки перешли на сторону враговъ Никона и стали изображать его, подобно старообрядцамъ, церковнымъ самочиннымъ новаторомъ, разрушителемъ священноі церковной старины и обычаевъ. Грекъ іеродіаконъ Мелетій, посланный государемъ приглашать восточныхъ патріарховъ въ Москву для устройства русскихъ церковныхъ дѣлъ, изобразилъ Никона предъ іерусалимскимъ патріархомъ Нектаріемъ церковнымъ новаторомъ, почему Нектарій, въ своей грамотѣ государю, отъ 20 марта 1664 года, между прочимъ пишетъ: „о Никонѣ же сказаль (Мелетій) нѣкоторыя важныя дѣла, почти неизвинительныя, кои всѣ суть нововведенія, которыя намъ кажутся не очень достовѣрными... Кирь Никонъ (будто бы) выдумаль нѣкоторыя новости касательно церковнаго порядка и желаетъ, чтобы сіе противъ обыкновенія принято было“ ²⁾. Въ виду такихъ представленій о Никонѣ, полученныхъ восточными патріархами отъ царскихъ посланцевъ къ нимъ—грековъ, они въ

¹⁾ Ак. ист. IV, № 151. Ак. археогр. эк. IV, №№ 105, 115, 184, 188, 275.

²⁾ Рус. Архивъ, 1873 г., кн. 9, 1610—1611.

своихъ отвѣтахъ на царскіе вопросы, имѣя въ виду сдѣланныя имъ сообщенія о самочинныхъ церковныхъ новшествахъ Никона, пишутъ: патриарху не должно „въ церковныхъ дѣлѣхъ совѣтовати или измѣнати древнія узаконенія или обычаи, или новая священнослуженія вводити въ божественную церковь, или измѣнати и отдаляти чины святыхъ литургій, развѣ тѣхъ установленныхъ и узаконенныхъ, сирѣчь: святаго Златоустаго и великаго Василія и прежде священныхъ, но хранить убо правую къ царю вѣру, къ церковнымъ же преданіямъ и обычаемъ держати умъ неизмѣненъ и ни чесоже обновляти въ нихъ“¹⁾. Но особенно любопытно познакомиться, въ чемъ, между прочимъ, обвинялъ Никона самъ называвшій себя ученѣйшимъ—газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, игравшій тогда при московскомъ дворѣ особенно выдающуюся роль. Въ докладной запискѣ государю, въ которой онъ оправдывается отъ обвиненій, взведенныхъ на него Никономъ, Паисій перечисляетъ вины Никона и между ними указываетъ: „яко новыхъ чиновъ употребилъ есть (Никонъ), древнія чины оставя и отринувъ“²⁾. Паисію Лигариду царемъ поручено было составить докладную записку о дѣлѣ Никона для ѣхавшихъ въ Москву восточныхъ патриарховъ. Паисій составилъ эту записку и въ ней обвиняетъ Никона въ томъ, „что онъ перемѣнилъ обычаи прежнихъ московскихъ патриарховъ не только тѣмъ, что вмѣсто синихъ скрижалей сталъ носить червленныя и что не поминалъ торжественно вселенскаго попрежнему, но и тѣмъ, что ввелъ новые обряды и томы (опредѣленія), переоблачался во время божественнаго тайнодѣйствія (имѣя восемьдесятъ саккосовъ, за одной обѣдней перемѣнялъ ихъ до двѣнадцати). Что бъ не казаться ниже Бога всяческихъ, чудовищно придумалъ онъ для пѣснопѣнія служебные чины или лики, назвавъ нѣкоторыхъ отроковъ херувимами и серафимами, которые прислуживали ему внутри страшнаго олтаря, гдѣ онъ чесался передъ зеркаломъ. Изъ олтаря онъ сдѣлалъ преторію, въ которой снималъ цѣпи съ закованныхъ іеродиаконовъ. Онъ отмѣнилъ пѣсни троичныя, сложенныя патриархомъ Митрофаномъ и воспѣваемыя обык-

1) Гиб. II. 674.

2) Большой моск. арх. мнн. ин. дѣль,—Греческія дѣла, 7175 г. № 2.

новенно каждое воскресенье; между тѣмъ 2-й канонъ 6-го собора повелѣваетъ пѣснямъ, слагаемымъ святыми отцами, оставаться неизмѣнными. Какъ же не подвергнется *тройной анафемѣ Никонъ*, который велѣлъ, противъ порядка церковнаго, совершать единожды освященіе богоявленское, которое велѣно совершать дважды, а именно: въ навечеріе и самый праздникъ... Какой человѣкъ разсудительный будетъ отвергать, что *Никонъ нововодитель, когда онъ поколебалъ уставъ и древнее церковное преданіе?* Онъ былъ рукоположенъ во второй разъ, когда сдѣлался патріархомъ, а двухъ архіереевъ, прежде отставленныхъ, снова рукоположилъ, вопреки 67 канону апостоль, отлучающихъ за такое рукоположеніе и поставляющаго и ставленника... Остается Никону признать одно изъ двухъ: или что онъ никогда не былъ поставленъ въ Новгородѣ, потому что патріархъ Іосифъ еретикъ (что ложно и неразумно), или же, что былъ снова поставленъ, *онъ никогда не былъ законнымъ патріархомъ*. Сверхъ того, поставленія имъ совершенныя, не имѣютъ силы, потому что совершены мужемъ, снова рукоположеннымъ¹⁾.—А между тѣмъ все это о Никонѣ писано было не какимъ нибудь фанатичнымъ и невѣжественнымъ поборникомъ старины, какъ естественно было бы подумать, а ученымъ грекомъ—митрополитомъ Паисіемъ Лигаридомъ, писано имъ по особому порученію царя съ цѣлію ознакомить восточныхъ патріарховъ съ личностію и церковной дѣятельностію патріарха Никона.

Такимъ образомъ, послѣ удаленія Никона съ патріаршаго престола, мы встрѣчаемъ въ тогдашнемъ обществѣ очень сильное и распространенное теченіе, отрицательно относившееся къ церковно-реформаторской дѣятельности Никона, стремившееся признать ее во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельною и даже вредною и гибельною для церкви. Эти отрицательныя взгляды на реформу Никона исходили не отъ однихъ только принципиальныхъ противниковъ новыхъ церковныхъ порядковъ, но были распространены и въ церковно-православной средѣ, и не только между низшимъ бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ, но и между архіереями и даже между учеными греками, въ то время проживавшими въ Москвѣ.

¹⁾ Сочиненіе Паисія Лигарида. О соборномъ осужденіи Никона, ч. II, гл. 11.

Смута, неувѣренность и колебанія, существовавшія тогда въ обществѣ относительно признанія или непризнанія церковныхъ реформъ Никона, рѣзко проявляли себя прежде всего въ тогдашней церковно-богослужебной практикѣ.

Реформы Никона круто подорвали прежніе привычныя церковно-богослужебные порядки, въ первое время не давъ однако на мѣсто стараго чего-либо прочнаго и всѣми признаваемого новаго: старое и новое вступило въ ожесточенную борьбу между собою за право существованія, причемъ въ однихъ случаяхъ побѣждало старое, въ другихъ—новое, часто новое и старое своеобразно—пестро перемѣшивалось между собою и никто хорошо не зналъ, чего слѣдуетъ держаться: одинъ тянулъ въ одну сторону, другой—въ другую, третій думалъ совмѣстить и то и другое. Въ отиравленіи ежедневныхъ церковныхъ службъ всюду проявилась безпорядочность, крайняя во всемъ неустойчивость, соблазнительное разнообразіе и произволь отдѣльныхъ лицъ. Самъ Никонъ на упрекъ, сдѣланный ему въ 1663 году Паисіемъ Лигаридомъ и Одоевскимъ: зачѣмъ онъ пздалъ три служебника и всѣ они разнятся между собою? отвѣтилъ: „нынѣ-де поють такъ, кто какъ хочетъ, а то-де чинится отъ непослушанія“. Царь Алексѣй Михайловичъ, въ своемъ повелѣніи въ 1662 году о созваніи по дѣлу Никона собора и о приглашеніи на него восточныхъ патріарховъ, говоритъ: „Никону убо отшедшу и пребывающу въ новопостроенныхъ отъ него обителяхъ, о вдовствѣ ея (церкви) не радяшу, также и о несогласіи церковнаго пѣнія и о службѣ божественныя литургіи и о иныхъ церковныхъ винахъ, которыя учинились при бытіяхъ патріаршества его, и потому дѣйствуются и до нынѣ, и отъ того нынѣ въ народѣ многое размышленіе и соблазнъ, а въ иныхъ мѣstechъ и расколы“. Посланный царемъ на востокъ подъячій Перфілій Оловениковъ, отъ имени государя говорилъ іерусалимскому патріарху Нектарію: „на Руси митрополиты, архіепископы, и епископы и весь церковный чинъ въ несогласеніи, въ церквахъ Божіихъ служатъ всякій своимъ правомъ“. ¹⁾ Вятскій епископъ Александръ въ челобитной государю пишетъ: „вси мвѣщія столпи настоящаго времени другъ съ другомъ въ чи-

¹⁾ Гиб. I, 242—243. II, 628, 765.

нахъ церковныхъ согласія не имуть, у кождо бо ихъ свое мудрованіе... смущающихся о несогласіи церковнемъ, духомъ кротости исправить не тщимся, но въ своихъ обычаяхъ утверждаемся, ратующе Христово стадо, древнія же церковныя чины отметающе и новыи необычно начинающе, вредимъ, ихъ же должно пользоваться“¹⁾ Соловецкій архимандритъ Вареоломей заявляетъ, что когда онъ ѣхалъ въ Москву, то, „по грѣхамъ нашимъ, послѣ моего пѣзду къ Москвѣ, учинилась въ монастырѣ, въ братьѣ и мірскихъ людяхъ, великая смута, будто священники и діаконы почали службу служить не такъ, какъ было при мвѣ, архимандритѣ, и въ службу ввели чины нововводные, и подаваніе божественныхъ и животворящихъ тайнъ, тѣло Христово, учили подавати священники священникомъ и діакonomъ иной съ сѣверную страну, а иной съ лѣтнюю страну, и о томъ у нихъ въ церкви Божіи и въ олтарѣ во время божественныя службы и святаго причащенія стала смута и вражда велія“.²⁾ Въ „повѣсти о блаженной жизни преосвященнѣйшаго Иларіона митрополита суздальскаго“ разсказывается, что когда Никонъ разослалъ приказъ служить по новоисправленнымъ книгамъ, то преподобный, бывшій въ то время настоятелемъ Флорищевской обители, „зѣло усомнѣвашеся о томъ,

1) Рук. Моск. синод. библ. № 294, л. 115.

2) Матер. III, 40. Съ своей стороны и Нероновъ въ челобитной государю 1660 года объ избраніи новаго патріарха пишетъ: „смущеніе убо веліе, государь, въ великой Росіи о церковныхъ вѣщѣхъ, яко же и самъ вѣси, благочестивый государь царь, во всѣ убо седмь лѣтъ, тысящи тысящъ, душъ христіанскихъ, сомнѣнія ради церковныхъ вещей, чужи общенія пречистыхъ тайнъ, и ученія вѣсть, паче же и согласія ради церковныхъ учителей. Помилуй ко отчаянію близъ сущихъ и спасіеся желающихъ“. Инокъ Авраамій пишетъ царю: „возари, христіюлюбче, убо аще вѣлѣностевъ еси, обратиши-ли гдѣ правѣ напечатанную безъ всякаго порока въ церквахъ святыхъ какую ни есть книгу отъ Никона бѣшенова начальства лѣтъ 15 и больши? Непорочныя же старыя книги обезчестованы. Къ сему же: обрящеши ли чинъ и послѣдованіе по узаканному святыхъ и боговсныхъ отецъ заковенію? Обрящеши ли судъ и отмщеніе въ вѣсехъ церковныхъ, или строителя, или начальника правѣ псравляюща слово истинны, и по чину вся бывающая въ церкви? Но вѣмъ, яко неудобъ обрѣсти возможеши. не точію въ соборныхъ градскихъ церквахъ, но ниже во епископіяхъ, паче же ни въ монастырѣхъ. Виждь убо, аще не плача достойна сія окаянная времена наша, въ на же, увы, достигнухомъ?“ (Матер. I, 170. VII, 93—94).

глаголю: писано есть: аще кто прибавитъ или убавитъ, аванаема да будетъ, и начатъ о томъ со слезами ко Господу Богу молитися прилежно, да ими же вѣсть судьбами открыеть ему о семь... Богъ же не призрѣ моленія раба своего, откры ему сицевымъ образомъ: “ когда Иларіонъ рѣшился отслужить по новоисправленнымъ книгамъ одну обѣдню, и, по окончаніи ея сталъ вытирать губою святой патиры, то увидаль, что внутри патира выступила кровь, „выступила та же кровь и на внѣшнюю сторону патира“. Тогда недоумѣвающему о явленіи Иларіону былъ гласъ: „елико крови обрѣтесе внутри чаши, толико и на внѣшной странѣ чаши; тако разумѣй и о исправленіи книжномъ и о прочемъ: аще по прежнимъ, или по новоисправленнымъ служебникамъ, обаче ни чимъ же новоисправленная служба меньше первая“. Увѣрившись такимъ чудеснымъ образомъ въ одинаковомъ достоинствѣ новоисправленныхъ книгъ съ старыми, Иларіонъ не только самъ сталъ служить по новымъ книгамъ, но и требовать того же отъ своихъ учениковъ. Одни повиновались ему, „ови же упорствомъ многимъ возразишася, и даже до смерти совѣщастася въ своемъ упорствѣ стояти, укоряюще самого преподобнаго, якобы самому ему съ праваго пути совратитися, глаголюще ему со укоризною: яко самому тебѣ прежде учити насъ даже до смерти о семь стояти. Преподобный же нѣкоего ученика—Нестяковца проста и письма не умѣющаго, многимъ постомъ и поклонами и плинены на вѣю его повѣсивше, смиряше“. ¹⁾ Но подобнаго чудеснаго увѣренія въ одинаковомъ достоинствѣ старыхъ и новыхъ книгъ удостоивались, конечно, очень и очень немногіе, большинство же колебалось и не знало чего ему слѣдуетъ держаться.

Очень живую и яркую картину нестроений, колебаній и пестроты въ отправленіи разныхъ церковныхъ службъ рисуетъ намъ современникъ—суздальскій священникъ Никита Добрынинъ (Пустосвятъ) въ челобитной государю. „Во многихъ градѣхъ твоя благочестивыя державы, наипачеже въ селѣхъ, пишеть онъ государю, церкви Божіи зѣло возмущены, еже есмь много ходахъ, и не обрѣтохъ дву, или трехъ церквей, чтобы въ нихъ единочинно дѣйствовали и пѣли, но во всѣхъ разнствіе и велій раздоръ: въ той цер-

¹⁾ Рукопись моск. румянец. музея, по указанію Ундольскаго, № 418, л. 20.

кви по книгамъ Никоновымъ служатъ и поютъ, а въ иной по старымъ, и гдѣ на праздники, или на освѣщеніе церкви, два или трое священниковъ литургію Божию служатъ, и дѣйствуютъ по разнымъ служебникамъ, а иные тоцію возгласы по новымъ возглашаютъ, и всяко пестрятъ. Наипаче же въ просфиромисаніи священнодѣйствуютъ и просфиромисаютъ сѣмо и овамо: овинъ отъ нихъ постаринѣ агнецъ Божій прободаютъ, ивни же—по никонову толкованію, въ другую страну, и богородичну часть съ девятью частями полагаютъ, а прочіи части выимаютъ и полагаютъ что и сказать невѣдомо какъ,—овинъ отъ нихъ троеугольно части выимаютъ, ивни же щиплятъ копіемъ и части всѣ смѣшаютъ въ груды. Ктому и діаконъ со іереи не согласуются: овъ священнодѣйствуетъ по новому, а другій по старому. Ивни же священники, противъ 52 главы никоницкіе книги, велятъ дьякономъ агнецъ выимати. И о томъ въ смятеніи всп. Также же и пѣвцы межъ собою въ несогласіи: на клиросѣ поютъ тако, а на другомъ инако. И во многихъ церквахъ служатъ и поютъ ни по новымъ книгамъ, ни по старымъ. И евангеліе и апостолъ и пареміи чтутъ и стихѣры кананархистаютъ ни греческимъ, ни словенскимъ согласіемъ: понеже старое истеряли, а новое не обрѣли. И священнотаинственная Божія служба и весь чинъ церковный мнется: одни служатъ и поютъ тако, ивни же инако, или—ивнѣ служатъ тако, а наутріе инако. И указуютъ на никоновы печатныя книги и на розныя и непостоянныя указы. Также же и въ прочихъ во всѣхъ службамъ раздоръ и непостоянство... И во всемъ, великій государь, въ христоименитой вѣрѣ благочестиваго твоего государства расколъ и непостоянство. И отъ того, великій государь, много христіанскихъ душъ, простой чади, малодушныхъ людей, погибаетъ, еже во отчаяніе впали и къ церквамъ Божиимъ пооскуду учили ходить, а ивни и не ходятъ, и отцевъ духовныхъ не учили имѣть“ ¹⁾.

Не только въ церковныхъ службахъ, но даже въ самой одеждѣ архіереевъ, священниковъ, дьяконовъ, а также и иноковъ, явилось, со времени реформъ Никона, раздѣленіе и разнообразіе: одни изъ духовныхъ одѣвались по старому, другіе по-новому, третьи просто по-мірски, что невольнѣ всѣмъ рѣзко бросалось въ глаза, вызывало недоумѣнія, разные

¹⁾ Матер. IV, 155—157.

толки и соблазны. Священникъ Никита пишетъ царю: „богомольцы твои, святителіе Христовы, межъ собою одеждою раздѣлилися: ови отъ нихъ носятъ латынскіе рясы и новопокройный бѣлый клобукъ на колпашныхъ камилавкахъ, инии же, боясь суда Божія, старины держатся. Тако же и черныя власти и весь священническій чинъ одеждою раздѣлилися жъ: ови священники и дѣяконы ходятъ въ однорядкахъ и скуѣяхъ, инии же по иноземски въ ляцкихъ рясахъ и въ римскихъ, и въ колпашныхъ камилавкахъ, а иные, якожь простые людины, простоволосы ходятъ и шапку съ сободемъ съ заломы носятъ; а иноки не по иноческому чину, но—поляцки—безъ манатей, въ однихъ рясахъ, аки въ жидовскихъ кафтанахъ, и римскихъ рогатыхъ клобукахъ“. По этому поводу Никита дѣлаетъ такое замѣчаніе: „въ томъ странномъ одѣяніи невѣдомо—кое попь, и кое чернецъ, или пѣвчій дьякъ, или римлянинъ, или ляхъ, или жидовинъ“¹⁾. Соловецкіе иноки пишутъ государю: „святительскій бѣлый клобукъ, изъ Риму принесенный, иже отъ самаго Господа нашего Іисуса Христа на прославленіе истиннаго нашего православія русійскому царствію преданный, перемѣнили, а священническій и иноческій чинъ до конца обругали: попы мірскіе, яко никонова преданія ревнители, нарицаеміи никониане, ходятъ поримски безъ скуѣей, оброслыми главами и волосы распускавъ по глазомъ, аки паны, или опалные тюремные сидѣльцы, а иные носятъ вмѣсто скуѣей колпаки черные, и шапки кумыцкіе, и платье все не русское же; а чернцы ходятъ въ церковь Божію и по торгомъ безъ манатей, безобразно и безчинно, аки иноземцы, или кабацкіе пропойцы, не по преданію святаго Василія Великаго“. Инокъ Авраамій про современныхъ ему архіереевъ пишетъ: „одѣющаяся въ брачная цвѣтная одѣянія, яко женихи, рясами разнополыми, рукавы широкими, рогатыми клобуки себе и атласными украшающе, скипетры въ рукахъ позлащены имуше, воцаритися надъ людьми хотяще, параманды такожь златомъ вышивающе. Се есть монахъ! се есть учитель! се есть премудръ! се есть наша вѣра! Такові суть нынѣ законоучители—блазнительи прелестницы!“²⁾.

¹⁾ Ibid, стр. 146, 157.

²⁾ „ III, 303—304. VII, 98.

Тяжелое наслѣдство оставилъ Никонъ своему бывшему „собинному“ другу—царю Алексѣю Михайловичу. Все въ тогдашней нашей церковной жизни, сверху донизу, находилось въ полномъ смятеніи и какъ бы разложеніи, ни въ чемъ не было устойчивости, опредѣленнаго порядка и прочности, все какъ бы шаталось, всюду видны были только рознь, раздоры, взаимная ненависть и борьба. Общая нелюбовь лично къ Никону перешла и на его реформу: большинство, какъ мы показали, относилось къ ней отрицательно, сами архіереи сначала видѣли въ ней только личное дѣло одного Никона, только проявленіе его патріаршаго самовластія и самочинія. Даже ученые греки смотрѣли на Никона, за его церковно-реформаторскую дѣятельность, какъ на опаснаго новатора, какъ на разорителя вѣковыхъ священныхъ традицій и обычаевъ, достойнаго за это всякаго порицанія и осужденія. Казалось, что наступило время, когда должны были сбыться слова Іоанна Неронова, нѣкогда сказанныя имъ Никону патріарху: „что ты единъ не затѣваешь, то дѣло некрѣпко; по тебѣ иной патріархъ будетъ, все твое дѣло передѣлывать будетъ: иная тогда тебѣ честь будетъ, святыи владыко“; казалось, что возвращеніе къ дониконовскимъ церковнымъ порядкамъ дѣйствительно было бы, при тогдашнемъ состояніи умовъ, самымъ подходящимъ выходомъ изъ запутаннаго положенія церковныхъ дѣлъ, такъ какъ оно вполне соотвѣтствовало бы желаніямъ и настроенности значительнаго большинства тогдашняго общества и, повидимому, способно было внести въ него необходимое умиротвореніе и успокоеніе. Дѣло съ реформой Никона, казалось, висѣло на волоскѣ. Но реформа Никона однако не погибла, такъ какъ весь дальнѣйшій тотъ или другой ходъ этого дѣла зависѣлъ теперь прежде всего и главнымъ образомъ отъ царя Алексѣя Михайловича, который послѣ оставленія Никономъ патріаршей кафедры, сдѣлался единственнымъ фактическимъ управителемъ всей русской церкви, почему исключительно именно отъ него зависѣло признать или не признать церковную реформу Никона. Какъ повелъ это дѣло и къ какому концу привелъ его царь Алексѣй Михайловичъ, это мы увидимъ изъ дальнѣйшаго нашего изслѣдованія.

Н. Кантарева.